

Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии

ЕВГЕНИЯ ГОЛЬМАН

Старший преподаватель кафедры общей социологии, департамент социологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 9/11. E-mail: e.golman@hse.ru.

Ключевые слова: женская телесность; телесные практики; социология тела; академический феминизм; гендер; проживаемое тело.

В статье проанализированы теоретические подходы к интерпретации телесных практик женщин, условно выделены две традиции — структуралистски ориентированная и феноменологически ориентированная. Методологическим основанием первой традиции выступают философские и социально-антропологические концепции тела как упорядоченного социальными институтами. Представители структуралистски ориентированных подходов сконцентрированы на критическом анализе социальной регуляции женской телесности в аспектах сексуализированного и репродуктивного тела (практик привлекательности и практик здоровья). В фокусе внимания — доминирующий телесный канон феминности и каналы телесной педагогики, встроенные в институты патриархатной власти. Феноменологически ориентированная традиция, укорененная в различных направлениях социальной и философской мысли, включая философскую антропологию, феноменологию и социологические теории

действия, сфокусирована на анализе тела как субъективно проживаемого и осваиваемого в процессе включения в мир.

На основе анализа феминистских концепций выделено три стратегии феноменологически ориентированной интерпретации телесных практик женщин. В то время как первая стратегия сконцентрирована на интерпретации специфической ситуации женщины-субъекта и телесной социализации, вторая стратегия изучает роль телесных практик в «одомашнивании» телесности, третья стратегия постулирует потенциал телесных практик для дестабилизации доминирующего канона и составляет теоретическую базу феминистского активизма. Тем самым феноменологически ориентированная традиция сконцентрирована на анализе ценностно-мотивационного и символического компонентов телесных практик, взаимосвязи телесности и самости женщины. В целом обе традиции взаимодополняют друг друга, будучи сконцентрированными на разных уровнях анализа женской телесности.

ТЕЛЕСНЫЙ опыт женщин, окружающие его социальные интерпретации и механизмы социального контроля составляют важнейшее направление феминистского анализа и критики в академической и активистской средах. В этом смысле культурные каноны женской телесности, а также способы освоения этих канонов находятся в поле внимания исследователей со времен второй волны феминизма. Несмотря на относительную демократизацию различных телесных практик (окраска волос, косметические процедуры и пластическая хирургия, фитнес и др.), в современных западных обществах вовлеченность женщин в преобразование и модификации тела остается на стабильно высоком уровне. Этот феномен является предметом широких феминистских дебатов: каковы причины активного воспроизводства телесных практик женщинами? Почему с обретением прав, гражданских свобод и карьерных перспектив женщины одновременно делают выбор в пользу практик, получающих ярлык сексуализирующих и объективирующих? В какой мере женщины принимают участие в закреплении своего подчиненного положения посредством воспроизводства фемининных канонов привлекательности? Является ли женщина марионеткой в руках патриархатной культуры или телесные практики женщин представляют собой рефлексивный выбор последних? Дискуссия по этим вопросам в рамках *Gender* и *Women's Studies* и их динамика представляются нам схожими с полемикой в социологических исследованиях телесности, а если смотреть еще шире, то созвучными проблеме структура/действие.

С появлением в фокусе социальных наук телесности как социокультурного феномена перед исследователями был поставлен вопрос: насколько телесное выражение индивида подчинено социальным категориям? Так, в социологии тела принято выделять две интеллектуальные традиции: теории «упорядоченного тела», тела как объекта, и теории «тела проживаемого» — как субъекта¹. Первая традиция, условно обозначенная нами как структуралистски ориентированная², сконцентрирована на изучении социаль-

1. Shilling C. *The Body in Culture, Technology and Society*. L.: Sage, 2005. P. 47.

2. Под термином «структурализм» мы понимаем, вслед за Инной Девятко, модели объяснения, стремящиеся «обнаружить в поведении людей

ных структур, обладающих принудительной силой по отношению к телесности индивида — его манере двигаться, вести себя, способам самопрезентации и контроля физиологических процессов. Вторая традиция — феноменологически ориентированная — отличается вниманием к личному опыту переживания и освоения тела. В логике феминистского анализа данная проблема приобретает новое звучание, а в поле дискуссии фигурируют две модели женщины. Во-первых, женщина-объект, подверженная структурным ограничениям культуры патриархата. В этой модели высокая вовлеченность женщин в практики преобразования тела рассматривается как один из инструментов их закрепощения, навязанный извне. Во-вторых, женщина-субъект, способная к рефлексивному действию. Телесные практики этой модели рассматриваются в тесной связи с идентичностью женщины-субъекта, а также с точки зрения их потенциала для дестабилизации доминирующих канонов привлекательности.

Далее мы проанализируем методологические основания каждой из интеллектуальных традиций, а также основные постулаты представителей двух феминистских лагерей, выделим сильные и слабые стороны интерпретаций телесных практик женщин. Структуралистски и феноменологически ориентированные феминистские теории основываются на различных методологических и идеологических основаниях, однако в своих умеренных версиях они не противоречат, а дополняют друг друга благодаря разным уровням анализа явления.

Женщины как «жертвы культуры»: от структуралистской традиции к феминистской критике

У истоков структуралистски ориентированной традиции в *Body Studies* и социологии тела лежат концепции, сформировавшиеся в социальной антропологии и философии. Так, наиболее ярко модель тела-объекта проявляется в работах Мэри Дуглас и Мишеля Фуко. Позднее основные положения их работ были восприняты феминистским сообществом и использованы как одно из мето-

смысл, который скрыт от непосредственного восприятия с точки зрения самих действующих», в то время как двигателями поведения индивидов предстают структурные детерминанты, в том числе социальные институты и нормы (см.: Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Институт социологического образования РЦГО; Институт социологии РАН, 1996. С. 66–67).

дологических оснований критики вовлеченности женщин в работу над телом.

Дуглас одной из первых указала на то, что тело является «микроскопом общества»³. Тело, согласно ее концепции, находится в центре власти и социального влияния, а контроль телесного выражения есть проявление социального контроля⁴. Принуждение, осуществляемое обществом по отношению к телесности, обнаруживается на уровне аналитически выделяемого социального тела — совокупности воплощенных социальных норм — в противовес физическому телу как совокупности физиологических процессов. По мнению Дуглас, на степень «близости» двух тел оказывает непосредственное влияние тип социальной системы, что вписывает данную концепцию в проект социального антрополога по созданию теории «разметки и группы», классифицирующую все общества по степени выраженности социальной солидарности и ригидности структуры ролей и различий⁵. Идея о том, что характер социальной системы отпечатан на поверхности тела, оказала влияние на феминистский анализ телесных практик, будь то диеты, фитнес или пластическая хирургия, поскольку в данном контексте они приобретают символическое, более того, политическое значение, будучи вписанными в широкие культурные нормы⁶.

Однако более заметное и активно подчеркиваемое влияние на структуралистски ориентированную традицию интерпретации телесных практик женщин оказали работы Фуко, главным образом посвященные механизмам закрепления власти на поверхности тела. Подчеркивая нерепрессивный и рассеянный характер дисциплинирующего механизма, Фуко излагает историю становления тела в качестве объекта дисциплины: «В любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства»⁷. Распределение индивидов в пространстве (в особенности спецификация места), контроль над деятельностью путем предписывания того или иного рабочего времени, детализации действий во времени, налаживания связи между телом, жестом и объектом, а также сложение сил разнообразных индивидов на благо единой «эффективной машины» маркиру-

3. Douglas M. *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. 3rd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2003. P. 80.

4. Ibid. P. 78.

5. Ibid. P. 64.

6. Бордо С. Интерпретация стройного тела // Теория моды. 2015. № 34. С. 83.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 199.

ют этапы конструирования «послушных тел» начиная с классического века. Воплощением модели всепроникающего дисциплинирующего механизма для Фуко является паноптикон — архитектурный проект тюрьмы Иеремии Бентама, выполненный в виде кольцеобразного здания, просматриваемого насквозь. Такая организация пространства позволяет не прибегать к насильственным средствам принуждения: «Сила власти заключается в том, что она никогда не вмешивается, а отправляется самопроизвольно и бесшумно, она образует механизм, чьи действия вытекают одно из другого»⁸. «Рассеянное» понимание дисциплинирующего механизма посредством проникновения в повседневную организацию движений, положения и действий тела оказалось созвучным феминистской критике подчиненного положения женщин, принимаемого ими самими, и послужило отправной точкой для ряда теоретиков академического феминизма в интерпретации ежедневного воспроизводства женщинами специфических телесных практик, что будет рассмотрено ниже.

Поскольку в феминизме с момента его возникновения во главу угла ставилась смена навязываемых женщинам ценностей, а также репрезентаций женщины, сформированных в процессе патриархатной истории⁹, структуралистски ориентированные типы интерпретаций были заложены уже в самой идеологии данного движения, впоследствии вылившегося в академическую традицию. Изучение социальной системы, способствовавшей закреплению подчиненного статуса женщины по отношению к мужчине, стало ключевой задачей феминизма второй и третьей волн¹⁰. Внимание к социальной структуре, отражающей «ограничения, заключающиеся именно в определенном способе социальной организации»¹¹, предопределило интерес феминисток к изучению труда, власти и катексиса (реализации чувств и желания; сексуальности) и институтов, функционирующих в их рамках, как основных структур, легитимирующих подчиненное положение женщины¹². При этом для разнородных теорий, стремящихся открыть глаза

8. Там же. С. 302.

9. Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 239.

10. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. С. 89.

11. Коннел Р. У. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. 2012. Т. 83. № 3. С. 12.

12. Там же. С. 17–18.

аудитории на структурные причины угнетения женщин, ключевым понятием оказывается патриархат как «сходные социальные практики, в которых мужчинам дается систематическая возможность за счет своего положения продвигать собственные интересы в различных областях, пагубные и опасные для интересов женщин, даже при согласии последних»¹³. Согласие с этим порядком, личный выбор и рефлексия женщин по поводу этого выбора не являются предметом непосредственного анализа в структуралистски ориентированных гендерных теориях, многие из которых развивались в рамках радикального феминизма. Более того, добровольное принятие женщинами фемининных моделей поведения не рассматривается в качестве «оправдания», лишь демонстрируя, как отмечает Шейла Джефрис, воздействие социальных сил и маскулинной идеологии, которые являются агентами формирования «ложного сознания» женщин как угнетаемого класса¹⁴. Таким образом, главной чертой патриархатного типа социальных отношений является подчинение интересов женщин интересам мужчин. Патриархатная власть оказывается основанной на социальной интерпретации и переносе биологических различий между мужчиной и женщиной в сферу социальных задач особей обоего пола¹⁵. Большинство структуралистски ориентированных типов интерпретации подчиненного статуса женщины и ее повышенной вовлеченности в те или иные телесные практики делают акцент на явной или неявной, но все же репрессивной системе отношений патриархатного толка. С введением телесности в поле феминистского анализа интерпретация телесных практик в данной интеллектуальной традиции преимущественно сводится к описанию и критике некой социальной матрицы, «тотальной системы доминирования, в которой фемининное определено в значениях нарциссической маскулинной (воображаемой) картины себя (*self-image*)»¹⁶.

Однако в каких аспектах женская телесность является объектом социальной регуляции в патриархатной культуре? И какое место в данном процессе отводится собственно телесным практикам?

13. Howie G. Between Feminism and Materialism: A Question of Method. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 200.

14. Jeffreys S. Beauty and Misogyny. Harmful Cultural Practices in the West. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 2, 15.

15. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 124.

16. Howie G. Op. cit. P. 160.

Несмотря на общую тенденцию культуры патриархатного типа отождествлять женщину с ее телом¹⁷, социальные значения, каноны телесной привлекательности и способы регулирования женских тел претерпевали изменения на протяжении истории. Подчиненное положение женщин в обществе принято связывать в первую очередь с репродуктивной функцией — одним из ключевых направлений социальной регуляции тел¹⁸. Но в массовой культуре современных западных обществ канон сексуально привлекательного женского тела вышел на передний план по сравнению с моделью женского тела как ресурса для воспроизводства населения, доминировавшей в обществах традиционных и индустриальных. Два императива внешней привлекательности и физической культуры женщины до сих пор сосуществуют: в то время как первый связан с рамкой социальной политики и регуляцией репродуктивного поведения, второй лежит в плоскости потребительской культуры. Условно обозначим эти два культурных императива женской телесности как «репродуктивное тело» (тело матери) и сексуализированное, стройное тело.

На протяжении истории здоровье и, как следствие, физическая культура были одним из приоритетных направлений социальной политики. Более того, экономические и идеологические особенности того или иного периода развития государства предопределяли силу социального давления на репродуктивное поведение¹⁹. Так, на протяжении XX века в обществах советского типа государство выступало «гегемонным агентом контроля гендерных отношений»²⁰, а женщина позиционировалась «как гражданка, чей долг не только производить [товары и услуги], но и воспроизводить население»²¹. Репродуктивный потенциал женщины ассоциировался с определенной физической формой и заботой о здоровье посредством физических упражнений и процедур закаливания (вспомним классические советские плакаты «Колхозник, будь физкультурником» Александра Дейнеки и «Позаботилась ли ты о грудях?» неизвестного художника, 1930 года). Однако проблема

17. Bordo S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 5, 204.

18. Turner B. S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. 3rd ed. L.: Sage, 2008. P. 101.

19. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Указ. соч. С. 118.

20. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299.

21. Там же. С. 307.

«репродуктивного тела» была характерна и для капиталистических обществ того же периода. В западных обществах викторианские идеалы женственности, как показывает Сьюзен Бордо, то актуализировались, то уходили на второй план на протяжении XX века в связи с чередованием экономически нестабильной обстановки (когда на переднем плане «репродуктивное тело»), в частности периода Второй мировой войны, и стабильных, «сытых» десятилетий (идеалы стройности)²².

С обретением женщинами больших прав и свобод, в том числе в области репродуктивного поведения, дисциплинирование телесности и формирование «послушных женских тел» в рамках репрессивной «социальной матрицы» переориентируется с канона репродуктивного на канон стройного, сексуализированного тела. Как отмечает Сандра Бартки, по мере того как женщины оказывают все большее сопротивление патриархатному порядку, совершая выход в публичную сферу, занимаясь построением карьеры и отказываясь от материнской судьбы, происходит разрушение старых форм доминирования над ними. Однако возникают новые формы:

Нормативная фемининность все больше концентрируется вокруг тела женщины — не в плане его долга и обязанности или даже способности вынашивать ребенка, а в плане его сексуальности, точнее, его предполагаемой гетеросексуальности и его внешнего вида²³.

При этом, согласно Бартки, новацией в данной форме доминирования над женщинами предстает не их озабоченность собственной красотой и привлекательностью как таковыми, а широкое распространение образов нормативной женственности в современной культуре.

Соответственно, происходит сдвиг и в культурно легитимизуемых телесных практиках, нацеленных на достижение этого канона. Меняется направленность практик: от воспитания здорового тела для вынашивания новых членов общества к формированию стройного, привлекательного тела посредством самодисциплины (фитнес), самоограничения (диета), а также радикальных хирургических вмешательств (пластическая хирургия). При этом лидирующее положение среди агентов телесной педагогики пере-

22. Бордо С. Указ. соч. С. 81–82, 99.

23. Bartky S. L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power // The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior / R. Weitz (ed.). N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 41–42.

ходит от государства и его социальной политики к массовой и потребительской культуре.

В связи с этим подход Фуко к интерпретации тел в качестве «послушных», дисциплинированных не обязательно с помощью внешнего принуждения, но самонаблюдения и самоконтроля, получил широкое распространение в феминистском анализе вовлеченности женщин в телесные практики. Так, Бартки полагает:

...женщина, которая проверяет свой макияж полдюжины раз за день, чтобы увидеть, не потрескалась ли основа под макияж или не потекла ли тушь, та, кто волнуется, что ветер или дождь могут испортить ее прическу, становится не кем иным, как заключенным паноптикона, самоконтролирующим (*self-policing*) субъектом, лично преданным беспрестанному самонаблюдению (*self surveillance*)²⁴.

Молчаливое и активное согласие женщин со стандартами фемининной самопрезентации и, как следствие, интерес к регулярной работе над телом с помощью фитнеса, диетарных практик, макияжа и т. д. нередко интерпретируется в данной традиции как результат давления массовой культуры — интериоризации «мужского взгляда» (*male gaze*), объективирующего женщину и сводящего ее к телесной оболочке²⁵. Так, по мнению Кэтрин Паули Морган, практики самообъективации не подразумевают наличие у женщины реального опыта критической оценки со стороны знакомого мужчины, поскольку сексуализирующая культура проникает в эстетическое воображение первой в виде «гипотетического мужчины»²⁶. Подчеркивается связь интериоризированного женщинами «мужского взгляда» с гетеросексуальной ориентацией, в различных феминистских работах получившей название «гетеронормативность»²⁷, «принудительная гетеросексуальность»²⁸, «гетеросексуальная матрица»²⁹.

24. Ibid. P. 42.

25. Brook B. Feminist Perspectives on the Body. L.; N.Y.: Longman, 1999. P. 66.

26. Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies // Hypathia. 1991. Vol. 6. № 3. P. 36.

27. Nielson J. M. et al. Gendered Heteronormativity: Empirical Illustrations in Everyday Life // The Sociological Quarterly. 2000. Vol. 41. № 2. P. 286, 290; Ward J., Schneider B. The Reaches of Heteronormativity: An Introduction // Gender and Society. 2009. Vol. 23. № 4. P. 434.

28. Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. 1980. Vol. 5. № 4. P. 637.

29. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Прописи, 2000. С. 341; Butler J. Во-

Отличительной чертой современной патриархатной культуры предстает установка, что «женские тела всегда недостаточно женственные, что они должны быть сознательно подвержены нередко болезненной перделке в соответствии с тем, что было задумано „природой“»³⁰. В работах Наоми Вульф это представление получило название «мифа о красоте» и было представлено как последний оплот мужского господства. В соответствии с ним осуществляется ранжирование женщин по степени их привлекательности для мужчин³¹. Данный миф призван отвлечь внимание женщин на работу над телом, тем самым обеспечив их низкую социальную и политическую активность. Джеффрис, представляющая более радикальное феминистское крыло, трактует телесные практики как практики закрепления на поверхности тела подчиненного положения женщин — противоположного пола-класса — и ежедневное «подношение» мужским сексуальным фантазиям³². В работах Бордо высокая вовлеченность женщин в телесные практики получает менее резкую идеологическую оценку и связывается с их вхождением в публичную сферу и построением карьеры. Вследствие этого женщины одновременно находятся во власти двух императивов: фемининного императива отождествления женщины и тела и маскулинного императива самоконтроля. Таким образом, целенаправленная работа над телом при одновременном освоении публичной сферы рассматривается Бордо как процесс усвоения и нормализации в среде женщин мужских профессиональных стандартов культуры³³. Несмотря на некоторые различия в оценках феномена, общим для структуралистски ориентированной феминистской критики телесных практик женщин является признание негативного психологического воздействия образов нормативной фемининности, представленных в массовой культуре, которые приводят к диссоциации с телом³⁴.

Итак, структуралистские модели интерпретации высокой вовлеченности женщин в различные телесные практики преимуще-

dies That Matter. On the Discursive Limits of "Sex". N.Y.; L.: Routledge, 1993. P. 183.

30. *Urla J., Swedlund A. C.* The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture // *Feminism and the Body* / L. Shiebinger (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 397.

31. *Вульф Н.* Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 25–26, 419.

32. *Jeffreys S.* Op. cit. P. 32.

33. *Бордо С.* Указ. соч. С. 100.

34. *Frost L.* Young Women and the Body. A Feminist Sociology. Basingstoke; N.Y.: Palgrave, 2001. P. 194, 198.

ственно фокусируются на исследовании и критике некой социальной матрицы, оказывающей репрессивное и угнетающее воздействие на женщин. В этой интеллектуальной традиции телесные практики рассматриваются как навязанные патриархатной культурой технологии контроля женщин, их заключения в собственное тело и исключения из сферы социальной активности. По мере развития общества и формирования потребительской культуры происходит смещение от канона репродуктивного тела в сторону канона стройного, сексуализированного тела, хотя в современных обществах они продолжают сосуществовать. Главными агентами телесной социализации женщин является в первую очередь современная массовая и потребительская культура, наводненная репрезентациями идеализированных женских тел, а также государственные институты, выступающие проводниками специфической дисциплинарной социальной политики. Поскольку структуралистские типы объяснения акцентируют внимание на канонах нормативной фемининности, из поля их зрения нередко пропадают собственно телесные практики — их социальное и символическое значение, а также ценностно-мотивационный компонент работы над телом. Говоря кратко, в радикальных феминистских концепциях женщины оказываются в плену «ложного сознания» или же, выражаясь словами Гарольда Гарфинкеля, являются «жертвами культуры»³⁵, легко поддающимися любым манипуляциям со стороны институтов патриархата³⁶. По выражению Валери Стил, в своих крайних проявлениях такой подход имплицитно содержит модель поведения индивида по принципу «обезьяна увидела — обезьяна сделала», абсолютно нивелирующую сознательность членов общества³⁷. Например, Вульф полностью слагает ответственность с девушек, ограничивающих свое питание и страдающих «нарушениями пищевого поведения», чтобы обвинить в их действиях исключительно «бесчеловечный общественный порядок»³⁸. Этот порядок в некоторых работах получает эмоционально окрашенные названия, такие как «тирания худобы», «фашизм худобы», а женщина позиционируется по отношению к нему как «заложница» сформированных в результате социокультурного давления «негласных и функционирующих

35. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. С. 78–79.

36. Crossley N. Reflexive Embodiment in Contemporary Society. Berkshire: Open University Press, 2006. P. 56.

37. Стил В. Фетиш: мода, секс и власть. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 157.

38. Вульф Н. Указ. соч. С. 300, 304.

на полубессознательном уровне стереотипов»³⁹. Более того, структуралистская модель склонна интерпретировать телесные практики исключительно как способы закрепления на поверхности тела идеалов женственности и сексуальной привлекательности с точки зрения доминирующего культурного канона. Так, Джеффрис целенаправленно не проводит границы между практиками нанесения макияжа, увеличения груди и практиками радикальных модификаций тела, будь то шрамирование или раздвоение языка, утверждая, что все они являются маркерами подчиненного положения женщин и следствием императива красоты⁴⁰. В меньшей степени представители данной традиции склонны проблематизировать телесные практики и работу над телом как способ конструирования альтернативного канона привлекательности или как попытку бросить вызов гендерным стереотипам женственности.

Тем не менее серьезным интеллектуальным вкладом этой традиции является доказательство того, что тело является социокультурным феноменом. Благодаря структуралистским типам интерпретации был осуществлен анализ культуры и специфических социальных институтов, транслирующих нормативные техники тела, а также их гендерной специфики. В данной интерпретации высокий уровень включенности женщин в различные способы работы над телом отражает их подчиненное положение в патриархальной культуре.

Проживаемое тело женщины: телесные практики в фокусе феноменологии и теорий действия

В противовес концепциям тела как объекта феноменологически ориентированные подходы в исследованиях телесности сконцентрированы на анализе воплощения в контексте микропорядка конституирования социального тела, его переживания на индивидуальном уровне. Те или иные концепции лишь условно можно отнести к этой интеллектуальной традиции, поскольку у ее истоков — разнородные направления философской и социальной мысли, включая философскую антропологию (Макс Шелер, Арнольд Гелен), феноменологию (Эдмунд Гуссерль, Морис Мерло-Понти), экзистенциалистские теории (Жан-Поль Сартр, Симона де Бо-

39. Сохань И. В. Производство женской телесности в современном массовом обществе — культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 68–69, 75.

40. Jeffreys S. Op. cit. P. i, 149–150.

вуар), социологические теории действия (Джордж Герберт Мид, Ханс Йонас и др.). При всем различии теоретических оснований категориальный язык данного направления интерпретации телесности стремится к закреплению «онтологического превосходства социальных акторов над социальными системами»⁴¹, подчеркивая активную роль телесности в создании социальной жизни⁴², а также к преодолению фундаментальных оппозиций тело/разум, объект/субъект, природа/культура⁴³.

В феноменологически ориентированной традиции интерпретации телесных практик можно выделить три ключевые категории. Во-первых, категорию *тело-субъект*, подчеркивающую, что тело и разум, а точнее, Я неразрывно слиты в проживаемом опыте воспринимающего субъекта. Макс Шелер одним из первых указал на онтологическую тождественность физиологических и психологических процессов⁴⁴. Позднее Мерло-Понти доказал слияние сознания и телесности в акте восприятия окружающего мира:

Нельзя сказать, что человек видит, поскольку он есть Дух, или что он есть Дух, поскольку видит: видеть так, как видит человек, и быть Духом — это синонимы⁴⁵.

Одной из предпосылок ориентации индивида в окружающей среде, по Мерло-Понти, является телесная схема как «всеобъемлющее осознание положения в интерсенсорном мире»⁴⁶, закладывающаяся в детстве, но меняющаяся на протяжении жизни, например, в результате болезни или старения. Восприятие, движение и телесная схема как характеристики пространственности субъекта лежат в основе включения последнего в мир, его познания и совершения действия в соответствии с интенциональными проекциями. При этом в жизни индивида разворачивается драма: быть увиденным другим как объект, одновременно пережи-

41. Williams S. J., Bendelow G. The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues. L.: Routledge, 1998. P. 49.

42. Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol. 1. № 1. P. 43.

43. Howson A., Inglis D. The Body In Sociology: Tensions Inside and Outside Sociological Thought // The Sociological Review. 2001. Vol. 49. № 4. P. 298.

44. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 79.

45. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 184.

46. Там же. С. 139.

вая себя в качестве субъекта и стремясь закрепитесь в этом качестве в глазах других⁴⁷.

Второй ключевой категорией феноменологически ориентированной традиции является понятие *ситуации* как специфического соединения психофизиологических, пространственных, исторических, социальных и других факторов среды, в которой укоренен индивид. Биографический контекст и фактичность положения субъекта в пространстве обуславливают точку восприятия окружающего мира, специфический телесный опыт и задают ориентацию для действия:

Быть для человеческой реальности — значит *быть-здесь*, то есть «здесь на этом стуле», «здесь за этим столом», «здесь на вершине этой горы, с этими измерениями, этой ориентацией и т. д.»⁴⁸

Помимо пространственной ориентации, особую значимость приобретают темпоральный аспект и временная структура опыта⁴⁹. Не только окружающая среда способна ограничивать интенциональные проекты личности, но и фактическое телесное воплощение. Ситуация, уточняет Айрис Мэрион Янг, обозначает и то, каким образом «факты телесного воплощения, социального и физического окружения предстают в свете проектов, которые есть у личности»⁵⁰.

В качестве третьей ключевой категории в теориях проживаемого тела мы выделили *действие* как реализацию преобразующего потенциала тела-субъекта в социальном мире по отношению к относительно устойчивым социальным структурам. Действие отражает активную роль субъекта в социуме, поскольку всегда содержит в себе преобразующий потенциал по отношению к миру культуры⁵¹. В классических социологических теориях действия телесность индивида была исключена из анализа как само собой разумеющееся⁵², однако в конце XX века стали слышны призы-

47. Там же. С. 221.

48. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., прим. В. И. Колядко. М.: Республика, 2004. С. 329.

49. Мерло-Понти М. Указ. соч. С. 104.

50. Young I. M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity // Ratio. 2002. Vol. 15. № 4. P. 415.

51. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. С. 160–161.

52. По мнению Брайана Тёрнера, это было прямым следствием первоначальной ориентации социологических теорий действия на экономику и право (см.: Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // The-

вы признать проблематику отношения действующего субъекта к телу ключевой для теории действия⁵³. По мнению Ханса Йоаса, ключевое место в социологических теориях должен занять анализ биологических предпосылок возможности действия и развитие данности тела для субъекта действия, то есть конституирование телесной схемы⁵⁴. Во-первых, физиологические факторы (например, болезнь или инвалидность) могут накладывать ограничения на социальную активность. Во-вторых, освоение собственного тела предполагает наличие некой первичной социальности, опосредованность физиологического опыта социальными отношениями.

Таким образом, тело-субъект, ситуация и действие оказываются взаимосвязаны: телесный опыт и мужчин, и женщин опосредован специфическим социокультурным, биографическим и физическим контекстом; телесная схема и репертуар телесных практик являются результатом взаимодействия данных контекстов. Преобразование и модификации тела в данной интеллектуальной традиции могут символизировать, с одной стороны, эмерджентность и подвижность Я, а с другой — трансформирующую активность по отношению к культурным нормативам самопрезентации и поведения.

В кругах академического феминизма призыв обратиться к конкретному жизненному опыту женщины как познающего субъекта стал распространяться ближе к концу XX века⁵⁵. Данной методологической установке сопутствовали практико-политическая и познавательная ориентации, характерные для феминистского движения:

Теоретик должен сразу же отбрасывать любое объяснение, которое предполагает приписывание женщине как субъекту (*female subject*) собственных взглядов теоретика относительно того, кто она есть, чего она хочет и что ей следует иметь, до того как была

sis. 1994. № 6. С. 143). Даже несмотря на то, что физический организм выступал одной из подсистем действия наряду с личностной, культурной и социальной подсистемами в структурно-функционалистской модели Толкотта Парсонса, за ним закреплялись исключительно адаптивные функции по отношению к физической среде (см.: Парсонс Т. Системы действия и социальные системы // Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 16).

53. Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. С. 189–190.

54. Там же. С. 191.

55. Смит Д. Е. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов. С. 30.

предпринята попытка исследовать самосознание (*self-understanding*) этого субъекта⁵⁶.

Переориентация исследовательской практики со структурных факторов закрепощения женщины на личный опыт последней продуктивна для изучения индивидуального контекста освоения тела, включая его модификации, а также смыслов, которыми его наделяют воспринимающие субъекты.

Введение в поле анализа телесно воплощенной женщины-субъекта и внимание к микропорядку ее ситуации привели некоторых исследователей к существенному пересмотру теории гендера, несущему определенные последствия и для проблематизации телесных практик, распространенных среди женщин. Так, Торил Мой предлагает и вовсе отбросить категорию гендера, поскольку аналитическое деление пол/гендер «затормаживает» развитие адекватной теории тела и субъективности. Более того, это деление оказывается «попросту бесполезным для задачи продуцирования конкретного исторического понимания, что значит быть женщиной (или мужчиной) в данном обществе»⁵⁷, в то время как «субъективность всегда телесно воплощена»⁵⁸. Для решения указанной проблемы Мой предлагает обратиться к экзистенциалистской теории ситуации, формулируя тем самым концепт тела-в-ситуации (*body-in-situation*) как альтернативу категории гендера. По мнению Янг, такое определение тела позволяет, во-первых, описать целостного, телесно воплощенного субъекта в историческом и социальном контекстах без использования дихотомии природного и культурного. Во-вторых, оно помогает избежать искусственного дробления идентичности индивида по гендерному, расовому и другим признакам в зависимости от задач теории или исследования. В-третьих, такой подход позволяет проанализировать сексуальное желание вне отсылок к сексуальной ориентации как к некому стабильному ядру личности⁵⁹.

Разнородность интеллектуальных оснований феноменологически ориентированной традиции в *Body Studies* привела в том числе к сосуществованию различных стратегий интерпретаций телесных практик женщин в рамках данного подхода. Классифицировать эти

56. Эльштайн Дж. Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. С. 73.

57. Moi T. What is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory // What Is a Woman? And Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 4–5.

58. Ibid. P. 67.

59. Young I. M. Op. cit. P. 410.

стратегии позволяют выделенные нами ранее ключевые категории анализа: тело-субъект, ситуация и действие. Каждая из стратегий в отправной точке анализа отталкивается от той или иной категории, что обуславливает последующую исследовательскую логику. В первую очередь остановимся на стратегии, сконцентрированной на анализе специфической ситуации женщины. Призыв к отказу от концепции гендера в пользу тела-в-ситуации в работах Мой отсылает к первому и классическому описанию экзистенциальной ситуации женщины в работе «Второй пол» Симоны де Бовуар.

Так что же составляет специфическую ситуацию женщины, обуславливающую ее вовлеченность в работу над телом? По Бовуар, характер и модели поведения, ассоциируемые с женщинами и воспроизводимые ими, есть результат реакции последних на специфическое воспитание, «становление» как Других в мире мужчин⁶⁰, не только наделенных социальными привилегиями, но и способных к трансцендентности: «„характер“ женщины, то есть ее убеждения, ценности, мудрость, нравственность, вкусы и поведение, объясняется ее „ситуацией“»⁶¹. Бовуар последовательно рассматривает контекст, этапы и драму освоения девочкой, девушкой и женщиной своей имманентной роли Другого⁶². Мир женщины имманентен, замкнут в собственном теле и сфере обслуживания мужчин лишь потому, что ситуация, в которой она пребывает, характеризуется ограниченным горизонтом, сужением сферы ответственности и смирением перед порядком вещей⁶³. Именно поэтому женщины уделяют много внимания своему телу, притом что, согласно Бовуар, «плоть женщины не более требовательна, чем плоть мужчины»⁶⁴. Воспринимая собственную телесность как обещание счастья и произведение искусства, объект мужского внимания, женщина сосредоточивается на ее украшении и таким образом компенсирует свою «неполноценность» в социальной сфере⁶⁵. Концепция женской ситуации Бовуар до сих пор вызывает споры в среде академического феминизма по причине негативной трактовки женщины и акцентировании ценности мужских форм самопонимания и деятельности⁶⁶.

60. *Де Бовуар С. Второй пол* / Пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, комм. М. В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. С. 40.

61. Там же. С. 702.

62. Там же. С. 338–339.

63. Там же. С. 675.

64. Там же. С. 680.

65. Там же. С. 697, 703.

66. *Эльштайн Дж. Б.* Указ. соч. С. 76–77.

Как мы видим, в своей работе Бовуар, начиная с анализа индивидуальной ситуации, в дальнейшем развивает критику патриархатного общественного устройства — социальных структур, оказывающих принудительное воздействие на женщин. В этом смысле она близка к структуралистски ориентированным подходам, и эта близость не случайна. Так, одно из направлений критики феноменологически ориентированных подходов базируется на отсутствии адекватных аналитических инструментов для анализа социальных структур, и в результате представители теории проживаемого тела, пытаясь выйти с микроуровня на макроуровень теоретизирования, неизбежно оказываются в лагере структуралистов⁶⁷. Однако в целом подход к телу как к проживаемому не исключает возможности вторжения канонов патриархатной культуры в субъективный образ тела, результирующий в расхождение фантазий об идеальной фемининной телесности и физиологической данности⁶⁸, объективации тела и формирования негативной установки по отношению к нему. В таком случае теории проживаемого тела оказываются прелюдией к построению модели репрессивной социальной матрицы, принуждающей женщин заботиться о самопрезентации.

Вторая стратегия интерпретации телесных практик женщин концентрируется на формах их самопонимания и рефлексии по поводу вовлеченности в телесные практики, тем самым выстраивая аналитику вокруг тела-субъекта. В таком контексте телесные практики становятся способами «одомашнивания» тела, трансформации жизненной ситуации или рефлексивной адаптации к культурным канонам. Так, Кэти Дэвис акцентирует внимание на том, что биографические рассказы о пластических операциях — в первую

67. Howson A., Inglis D. Op. cit. P. 298–299. Интересной иллюстрацией к данной ситуации может служить выстраивание теории социального тела Ником Кроссли (*Crossley N. The Social Body: Habit, Identity and Desire. L.: Sage, 2001*). Так, начиная с тезиса о преодолении картезианского подхода к телу как к машине и построении в социологии теории тела-субъекта на основе работ Мерло-Понти, Кроссли приходит к концу книги к выводу о том, что границы наших тел, способы их освоения и телесно воплощенное действие ограничены коллективными представлениями конкретных обществ, а в социальном контексте, ситуации субъекта есть элемент неизбежной судьбы (*Ibid. P. 150*). Тем не менее социолог находит в современном обществе стратегии сопротивления доминирующим телесным образцам в виде различных протестных социальных движений и «политик идентичности» (*Ibid. P. 160*).

68. Evans M. Real Bodies: An Introduction // *Real Bodies: A Sociological Introduction* / M. Evans, E. Lee (eds). Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 9–10.

очередь истории об идентичности⁶⁹. Выбор в пользу хирургического вмешательства в ряде жизненных ситуаций отражает стремление женщин «стать телесно воплощенными субъектами в противовес объективированным телам»⁷⁰. Диссоциация с телом из-за «проблемы во внешности» оказывает разрушающее воздействие на Я конкретной женщины, схожее с воздействием хронического заболевания, что приводит к решению пройти операцию. Осознанность выбора в пользу регулярных и радикальных телесных практик подчеркивается в ряде исследований. Женщины, как показывает Карла Райс, действительно испытывают влияние канонов массовой культуры и открыто заявляют об этом. Однако, подвергая изменению собственные тела, они стремятся найти «золотую середину», которая бы в первую очередь соответствовала их чувству самости⁷¹. Чувство Я неизбежно инкорпорировано в тело, а тело предстает воплощением Я, поэтому, делая выбор в пользу модификации тела, женщина, согласно Шелли Баджеон, стремится в первую очередь повысить уверенность в себе и изменить привычные стратегии поведения. Женская телесность есть результат становления посредством изменения тела (как целенаправленного, так и нецеленаправленного, например, из-за старения) и формирования самости в конкретный промежуток времени⁷².

Акцент на личном выборе сближает вторую стратегию интерпретации телесных практик с постфеминистским и неолиберальным пониманием субъекта, согласно которому телесные практики — результат свободного выбора женщины, способной принять решение сознательно благодаря успехам феминистского движения в XX веке⁷³. Главное направление критики данных подходов — недооценка структурных факторов, задающих нормативные образцы работы над телом и ее идеалов⁷⁴, а также чрезмерное внимание к формам самообъяснения, предопределенным, по мнению

69. Davis K. *Reshaping the Female Body*. L.: Routledge, 1995. P. 98.

70. Ibid. P. 161.

71. Rice C. *Becoming Women. The Embodied Self in Image Culture*. Toronto: University of Toronto Press, 2014. P. 266.

72. Budgeon S. Identity as an Embodied Event // *Body & Society*. 2003. Vol. 9. № 1. P. 46–47, 50.

73. Stuart A., Donaghue N. Choosing to Conform: The Discursive Complexities of Choice in Relation to Feminine Beauty Practices // *Feminism and Psychology*. 2012. Vol. 22. № 1. P. 99.

74. Negrin L. Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity // *Body and Society*. 2002. Vol. 8. № 4. P. 26; Gill R. C. Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and “Choice” for Feminism: A Reply to Duits and van Zoonen // *European Journal of Women’s Studies*. 2007. Vol. 14. № 1. P. 73.

радикального феминистского крыла, интериоризацией ценностей патриархатной культуры⁷⁵.

В третьей стратегии проблематизации телесных практик женщин в концепциях проживаемого тела в академическом феминизме акцентируется креативный потенциал действия — активистского обращения к способам преобразования тела, в первую очередь его радикальной модификации. Телесные практики рассматриваются как ресурс для сопротивления доминирующим образцам фемининной привлекательности. Так, Энн Бальзамо предлагает посмотреть на косметические процедуры и пластическую хирургию как на «хирургию моды» (*fashion surgery*), позволяющую женщинам воплощать и проигрывать культурные идентичности, как это происходит в субкультурных и контркультурных течениях, бросающих вызов доминирующим эстетическим суждениям⁷⁶. Морган призывает к дестабилизации образов нормативной феминности, во-первых реконструируя на теле каноны «уродства» (например, уменьшая или растягивая грудь, выбеливая волосы, стимулируя появление морщин специальными косметическими средствами), во-вторых распространяя информацию о пластических операциях и демонстрационные образцы потенциальных хирургических «улучшений» мужского тела⁷⁷. Иконой феминистского активизма для представителей данного направления выступает французская художница Орлан, организовавшая в конце XX века серию перформансов из хирургических вмешательств в тело⁷⁸. В основе перформансов — та идея, что тело составляет пережиток прошлого, а оперативные интервенции способны преодолеть фиксированную телесную природу⁷⁹. Помимо пластической хирургии, в поле зрения феминистского активизма — женский бодибилдинг⁸⁰, практики «нового примитивизма» — тату, шрамирование, пирсинг. Тем не менее призывы к политическому действию с помощью телесных практик подвергаются широкой критике, поскольку, будучи феминистскими утопиями (по выра-

75. Jeffreys S. Op. cit. P. 13, 15, 25–27.

76. Balsamo A. Technologies of the Gendered Body. Reading Cyborg Women. Durham; L.: Duke University Press, 1996. P. 78–79.

77. Morgan K. P. Op. cit. P. 45–47.

78. Инс К. Орлан. Операции как переодевание: тело и пределы его возможностей // Теория моды. 2012. № 23. С. 153–154.

79. Orlan on becoming-Orlan. “I do not want to look like...” // The Body: A Reader / M. Fraser, M. Greco (eds). L.; N.Y.: Routledge. 2005. P. 314.

80. St Martin L., Gavey N. Women's Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity's Recuperation? // Body & Society. 1996. Vol. 2. № 4. P. 46, 56.

жению Дэвис), игнорируют связь внешности с чувством самости, которое вряд ли позволит женщинам пойти на воплощение канонов «уродства»⁸¹. Они также не принимают во внимание боль, риски, телесные страдания и пределы преобразования тела⁸².

Таким образом, за парадигмой «проживаемого тела» в академическом феминизме скрывается мозаика различных методологических подходов. Феноменологически ориентированные концепции сближаются за счет внимания к женской телесности как субъективно проживаемой и осваиваемой в процессе включения в социальный мир. Исследовательский фокус на ситуации женщины-субъекта и границах социального действия позволяет представителям данной традиции обратиться не только к конкретным способам освоения женщинами специфических техник тела наряду с конституированием телесной схемы, но и к индивидуальному смысловому наполнению преобразования внешности. Пытаясь выстроить модель женщины-субъекта, альтернативную структуралистскому образу «жертвы культуры», представители феноменологически ориентированных подходов обращаются к ценностно-мотивационному компоненту работы над телом, ее связи с чувством самости. Телесные практики женщин в различных концепциях проживаемого тела интерпретируются либо как индивидуальная реакция на биографическое и структурное ограничение опыта (этот исследовательский ракурс является прелюдией к построению теории тела, ограниченного социальными факторами), либо как инструмент «присвоения» и «одомашнивания» телесности, приведения ее в соответствие с чувством Я, либо как политическое действие, конституирующее альтернативные культуры фемининности.

Заключение

Как было показано, дискуссия, развернувшаяся в академическом феминизме по поводу высокой вовлеченности женщин в телесные практики, в целом отражает проблему структура/действие. В своих умеренных версиях структуралистская и феноменологическая перспективы не противоречат друг другу, будучи сфокусированы на различных уровнях анализа. Выбор оптики во многом определен идеологической базой исследователя. Структуралистский анализ

81. Davis K. "My Body is My Art": Cosmetic Surgery as Feminist Utopia? // *Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body* / K. Davis (ed.). L.: Sage, 1997. P. 178–179.

82. Negrin L. *Op. cit.* P. 34.

сконцентрирован главным образом на макроуровне — социальных структурах и институтах, оказывающих принудительное воздействие на женщин. Как следствие, в поле зрения оказываются репрезентации женщин и нормативные каноны женственности в массовой культуре. В таком случае закономерно, что телесные практики анализируются представителями данного лагеря преимущественно как практики привлекательности или красоты, составляющие паноптическую фемининность. Многообразие смыслов тех или иных телесных практик в культуре остается вне поля изучения. Феноменологически ориентированные теории в академическом феминизме в большей степени сфокусированы на микроуровне анализа — проживаемой ситуации женщин как полноправных субъектов действия, сознательно делающих выбор в пользу работы над телом. Учитывая специфический социокультурный и биографический контекст, взаимосвязь телесности и самости, а также вариацию культурных смыслов телесных практик, сторонники феноменологического лагеря акцентируют внимание на ценностно-мотивационном компоненте преобразования тела. Значение этой дискуссии не ограничивается областью феминистской теории и практики, поскольку наглядно демонстрирует конструируемый характер знания. Различные теоретико-методологические основания обуславливают логику и дизайн эмпирического исследования, специфику объекта и предмета, очерчивая границы изучаемой реальности.

Библиография

- Balsamo A. Technologies of the Gendered Body. Reading Cyborg Women. Durham; L.: Duke University Press, 1996.
- Bartky S. L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power // The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior / R. Weitz (ed.). N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 25–45.
- Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Brook B. Feminist Perspectives on the Body. L.; N.Y.: Longman, 1999.
- Budgeon S. Identity as an Embodied Event // Body & Society. 2003. Vol. 9. № 1. P. 35–55.
- Butler J. Bodies That Matter. On the Discursive Limits of "Sex". N.Y.; L.: Routledge, 1993.
- Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology // Body & Society. 1995. Vol. 1. № 1. P. 43–63.
- Crossley N. Reflexive Embodiment in Contemporary Society. Berkshire: Open University Press, 2006.
- Crossley N. The Social Body: Habit, Identity and Desire. L.: Sage, 2001.
- Davis K. "My Body is My Art": Cosmetic Surgery as Feminist Utopia? // Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body / K. Davis (ed.). L.: Sage, 1997. P. 168–181.

- Davis K. *Reshaping the Female Body*. L.: Routledge, 1995.
- Douglas M. *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. 3rd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2003.
- Evans M. *Real Bodies: An Introduction* // *Real Bodies: A Sociological Introduction* / M. Evans, E. Lee (eds). Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 1–13.
- Frost L. *Young Women and the Body. A Feminist Sociology*. Basingstoke; N.Y.: Palgrave, 2001.
- Gill R. C. Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and “Choice” for Feminism: A Reply to Duits and van Zoonen // *European Journal of Women’s Studies*. 2007. Vol. 14. № 1. P. 69–80.
- Howie G. *Between Feminism and Materialism: A Question of Method*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
- Howson A., Inglis D. *The Body In Sociology: Tensions Inside and Outside Sociological Thought* // *The Sociological Review*. 2001. Vol. 49. № 4. P. 297–317.
- Jeffreys S. *Beauty and Misogyny. Harmful Cultural Practices in the West*. L.; N.Y.: Routledge, 2005.
- Moi T. What is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory // *What Is a Woman? And Other Essays*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 3–121.
- Morgan K. P. *Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women’s Bodies* // *Hypathia*. 1991. Vol. 6. № 3. P. 25–53.
- Negrin L. *Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity* // *Body and Society*. 2002. Vol. 8. № 4. P. 21–42.
- Nielson J. M., Walden G., Kunkel C. A. *Gendered Heteronormativity: Empirical Illustrations in Everyday Life* // *The Sociological Quarterly*. 2000. Vol. 41. № 2. P. 283–296.
- Orlan on becoming-Orlan. “I do not want to look like...” // *The Body: A Reader* / M. Fraser, M. Greco (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 312–315.
- Rice C. *Becoming Women. The Embodied Self in Image Culture*. Toronto: University of Toronto Press, 2014.
- Rich A. *Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence* // *Signs*. 1980. Vol. 5. № 4. P. 631–660.
- Shilling C. *The Body in Culture, Technology and Society*. L.: Sage, 2005.
- St Martin L., Gavey N. *Women’s Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity’s Recuperation?* // *Body & Society*. 1996. Vol. 2. № 4. P. 45–57.
- Stuart A., Donaghue N. *Choosing to Conform: The Discursive Complexities of Choice in Relation to Feminine Beauty Practices* // *Feminism and Psychology*. 2012. Vol. 22. № 1. P. 98–121.
- Turner B. S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. 3rd ed. L.: Sage, 2008.
- Urla J., Swedlund A. C. *The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture* // *Feminism and the Body* / L. Shiebinger (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 397–428.
- Ward J., Schneider B. *The Reaches of Heteronormativity: An Introduction* // *Gender and Society*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 433–439.
- Williams S. J., Bendelow G. *The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues*. L.: Routledge, 1998.
- Young I. M. *Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity* // *Ratio*. 2002. Vol. 15. № 4. P. 410–428.

- Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Прописи, 2000. С. 297–346.
- Бордо С. Интерпретация стройного тела // Теория моды. 2015. № 34. С. 81–105.
- Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 220–250.
- Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
- Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии / Под ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 152–302.
- Де Бовуар С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
- Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Институт социологического образования РЦГО; Институт социологии РАН, 1996.
- Здравомылова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–321.
- Инс К. Орлан. Операции как переобразование: тело и пределы его возможностей // Теория моды. 2012. № 23. С. 153–174.
- Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.
- Коннел Р. У. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. 2012. Т. 83. № 3. С. 11–41.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Парсонс Т. Системы действия и социальные системы // Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 115–137.
- Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004.
- Смит Д. Е. Социологическая теория: методы патриархального письма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 29–63.
- Сохань И. В. Производство женской телесности в современном массовом обществе — культ худобы и тирания стройности // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 68–77.
- Стил В. Фетиш: мода, секс и власть. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // Thesis. 1994. № 6. С. 137–168.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии / Под ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95, 519–523.
- Эльштайн Дж. Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 64–88.

BODY PRACTICES OF WOMEN IN THE LIGHT OF FEMINIST DEBATES

EVGENIYA GOLMAN. Senior Lecturer, Department of General Sociology, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, e.golman@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics (HSE), 9/11 Myasnitckaya str., 101000 Moscow, Russia.

Keywords: female embodiment; body practices; sociology of the body; feminist theory; gender; lived body.

The paper provides an analysis of the structuralist and phenomenological traditions in interpretation of female body practices. The structuralist intellectual tradition bases its methodology on concepts from social anthropology and philosophy that see the body as 'ordered' by social institutions. Structuralist approaches within academic feminism are focused on critical study of the social regulation of female bodies with respect to reproduction and sexualisation (health and beauty practices). The author focuses on the dominant physical ideal of femininity and the means for body pedagogics that have been constructed by patriarchal authority. In contrast to theories of the ordered body, the phenomenological tradition is focused on the "lived" body, embodied experience, and the personal motivation and values attached to body practices. This tradition has been influenced by a variety of schools of thought including philosophical anthropology, phenomenology and action theories in sociology.

Within academic feminism, there are at least three phenomenologically oriented strategies of interpretation of female body practices. The first one is centred around women's individual situation and bodily socialization; the second one studies interrelation between body practices and the sense of the self; and the third one postulates the potential of body practices to destabilize the dominant ideals of femininity and thus provides a theoretical basis for feminist activism. The phenomenological tradition primarily analyses the motivational, symbolic and value-based components of body practices as they interact with women's corporeality and sense of self. In general, both structuralist and phenomenological traditions complement each other by focusing on different levels of analysis of female embodiment.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-129-152

References

- Balsamo A. *Technologies of the Gendered Body. Reading Cyborg Women*, Durham, London, Duke University Press, 1996.
- Bartky S. L. Foucault, Femininity and the Modernization of Patriarchal Power. *The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior* (ed. R. Weitz), New York, Oxford, Oxford University Press, 1998, pp. 25–45.
- Bordo S. Interpretatsiia stroinogo tela [Reading the Slender Body]. *Teoriia mody* [Fashion Theory], 2015, no. 34, pp. 81–105.
- Bordo S. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body*, Berkeley, University of California Press, 1995.
- Braidotti R. Razlichie polov kak politicheskii proekt nomadizma [Sexual Difference as a Nomadic Political Project]. *Khrestomatiia feministikh tekstov. Perevody* [Anthology of Feminist Texts. Translations] (eds E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2000, pp. 220–250.
- Brook B. *Feminist Perspectives on the Body*, London, New York, Longman, 1999.

- Budgeon S. Identity as an Embodied Event. *Body & Society*, 2003, vol. 9, no. 1, pp. 35–55.
- Butler J. *Bodies That Matter. On the Discursive Limits of "Sex"*, New York, London, Routledge, 1993.
- Butler J. Gendernoe bespokoistvo [Gender Trouble]. *Antologiiia gendernoi teorii* [Gender Theory Anthology] (eds E. Gapova, A. Usmanova), Minsk, Propilei, 2000, pp. 297–346.
- Connell R. W. Struktura gendernykh otnoshenii [The Structure of Gender Relations]. *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve Stock], 2012, vol. 83, no. 3, pp. 11–41.
- Crossley N. Merleau-Ponty, the Elusive Body and Carnal Sociology. *Body & Society*, 1995, vol. 1, no. 1, pp. 43–63.
- Crossley N. *Reflexive Embodiment in Contemporary Society*, Berkshire, Open University Press, 2006.
- Crossley N. *The Social Body: Habit, Identity and Desire*, London, Sage, 2001.
- Davis K. "My Body is My Art": Cosmetic Surgery as Feminist Utopia? *Embodied Practices: Feminist Perspectives on the Body* (ed. K. Davis), London, Sage, 1997, pp. 168–181.
- Davis K. *Reshaping the Female Body*, London, Routledge, 1995.
- De Beauvoir S. *Vtoroi pol* [Le Deuxieme Sexe], Moscow, Saint Petersburg, Progress, Aleteia, 1997.
- Deviatko I. F. *Modeli ob"iasneniia i logika sotsiologicheskogo issledovaniia* [Models of Explanation and Logic of Sociological Research], Moscow, Institut sotsiologicheskogo obrazovaniia RTsGO, Institut sotsiologii RAN, 1996.
- Douglas M. *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*, 3rd ed., London, New York, Routledge, 2003.
- Elshtain J. B. Imperativy privatnogo i publichnogo [Public and Private Imperatives]. *Khrestomatiia feministских текстов. Perevody* [Anthology of Feminist Texts. Translations] (eds E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2000, pp. 64–88.
- Evans M. Real Bodies: An Introduction. *Real Bodies: A Sociological Introduction* (eds M. Evans, E. Lee). Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002, pp. 1–13.
- Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Surveiller et punir. Naissance de la prison], Moscow, Ad Marginem, 1999.
- Frost L. *Young Women and the Body. A Feminist Sociology*, Basingstoke, New York, Palgrave, 2001.
- Garfinkel H. *Issledovaniia po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology], Saint Petersburg, Piter, 2007.
- Gehlen A. O sistematike antropologii [Zur Systematik der Anthropologie]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [Problem of Man in Western Philosophy] (ed. P. S. Gurevich), Moscow, Progress, 1988, pp. 152–302.
- Gill R. C. Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and "Choice" for Feminism: A Reply to Duits and van Zoonen. *European Journal of Women's Studies*, 2007, vol. 14, no. 1, pp. 69–80.
- Howie G. *Between Feminism and Materialism: A Question of Method*, New York, Palgrave Macmillan, 2010.
- Howson A., Inglis D. The Body In Sociology: Tensions Inside and Outside Sociological Thought. *The Sociological Review*, 2001, vol. 49, no. 4, pp. 297–317.
- Ins K. Orlan. Operatsii kak pereodevanie: telo i predely ego vozmozhnostei [Orlan. Operations as a Disguise: the Body and the Limits of Its Possibilities]. *Teoriia mody* [Fashion Theory], 2012, no. 23, pp. 153–174.

- Jeffreys S. *Beauty and Misogyny. Harmful Cultural Practices in the West*, London, New York, Routledge, 2005.
- Joas H. *Kreativnost' deistviia* [Die Kreativität des Handelns], Saint Petersburg, Aleteiia, 2005.
- Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriiatiia* [Phénoménologie de la perception], Saint Petersburg, Iuventa, Nauka, 1999.
- Moi T. What is a Woman? Sex, Gender, and the Body in Feminist Theory. *What Is a Woman? And Other Essays*, Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 3–121.
- Morgan K. P. Women and the Knife: Cosmetic Surgery and the Colonization of Women's Bodies. *Hypathia*, 1991, vol. 6, no. 3, pp. 25–53.
- Negrin L. Cosmetic Surgery and the Eclipse of Identity. *Body and Society*, 2002, vol. 8, no. 4, pp. 21–42.
- Nielson J. M., Walden G., Kunkel C. A. Gendered Heteronormativity: Empirical Illustrations in Everyday Life. *The Sociological Quarterly*, 2000, vol. 41, no. 2, pp. 283–296.
- Orlan on becoming-Orlan. "I do not want to look like...". *The Body: A Reader* (eds M. Fraser, M. Greco), London, New York, Routledge, 2005, pp. 312–315.
- Parsons T. Sistemy deistviia i sotsial'nye sistemy [Action Systems and Social Systems]. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies], Moscow, Aspekt Press, 1998.
- Rice C. *Becoming Women. The Embodied Self in Image Culture*, Toronto, University of Toronto Press, 2014.
- Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence. *Signs*, 1980, vol. 5, no. 4, pp. 631–660.
- Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. Sotsiologiya tela i sotsial'noi politiki [Sociology of Body and Social Politics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. 7, no. 2, pp. 115–137.
- Rubin G. Obmen zhenshchinami: zametki o "politicheskoi ekonomii" pola [The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex]. *Khrestomatiia feministikh tekstov. Perevody* [Anthology of Feminist Texts. Translations] (eds E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2000, pp. 89–139.
- Sartre J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [L'être et le néant: essai d'ontologie phénoménologique], Moscow, Respublika, 2004.
- Scheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose [Die Stellung des Menschen im Kosmos]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [Problem of Man in Western Philosophy] (ed. P. S. Gurevich), Moscow, Progress, 1988, pp. 31–95, 519–523.
- Shilling G. *The Body in Culture, Technology and Society*, London, Sage, 2005.
- Smith D. E. Sotsiologicheskaya teoriia: metody patriarkhatnogo pis'ma [Sociological theory: Methods of Writing Patriarchy]. *Khrestomatiia feministikh tekstov. Perevody* [Anthology of Feminist Texts. Translations] (eds E. Zdravomyslova, A. Temkina), Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2000, pp. 29–63.
- Sokhan' I. V. Proizvodstvo zhenskoi telesnosti v sovremennom massovom obshchestve — kul't khudoby i tiraniia stroinosti [Production of Woman Corporeality in Contemporary Mass Society — Cult of Thinness and Tyranny of Slenderness]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2014, no. 2, pp. 68–77.
- St Martin L., Gavey N. Women's Bodybuilding: Feminist Resistance and/or Femininity's Recuperation? *Body & Society*, 1996, vol. 2, no. 4, pp. 45–57.

- Steele V. *Fetish: moda, seks i vlast'* [Fetish: Fashion, Sex and Power], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Stuart A., Donaghue N. Choosing to Conform: The Discursive Complexities of Choice in Relation to Feminine Beauty Practices. *Feminism and Psychology*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 98–121.
- Turner B. S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*, 3rd ed., London, Sage, 2008.
- Turner B. Sovremennye napravleniia razvitiia teorii tela [Recent Developments in the Theory of the Body]. *Thesis*, 1994, no. 6, pp. 137–168.
- Urla J., Swedlund A. C. The Anthropometry of Barbie. Unsettling Ideals of the Feminine Body in Popular Culture. *Feminism and the Body* (ed. L. Shiebinger), New York, Oxford University Press, 2000, pp. 397–428.
- Ward J., Schneider B. The Reaches of Heteronormativity: An Introduction. *Gender and Society*, 2009, vol. 23, no. 4, pp. 433–439.
- Williams S. J., Bendelow G. *The Lived Body. Sociological Themes, Embodied Issues*, London, Routledge, 1998.
- Wolf N. *Mif o krasote. Stereotipy protiv zhenshchin* [The Beauty Myth: How Images of Beauty Are Used Against Women], Moscow, Al'pina non-fikshn, 2013.
- Young I. M. Lived Body vs Gender: Reflections on Social Structure and Subjectivity. *Ratio*, 2002, vol. 15, no. 4, pp. 410–428.
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniie gendera v sovetskom obshchestve [Construction of Gender by the State in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* [Journal of Social Politics Studies], 2003, vol. 1, no. 3/4, pp. 299–321.